Пустой мир. Кровь и честь

Автор:
Кирилл Тимченко

Пустой мир. Кровь и честь

Кирилл Тимченко

Книга перенесет нас в фантастический мир, полный тайн и загадок. Главный герой книги – барон Эдвард Тристанский, глава одного из могущественных домов королевства Рейнсвальд, без памяти влюблен в баронессу Изабеллу. Союз двух любящих сердец не только принесет счастье влюбленным, но и поможет завершить давно начатый другом Эдварда проект «Сакрал», который изменит устоявшийся баланс сил. Но судьба всегда вносит свои коррективы, и эта история не стала исключением. Сможет ли барон закончить начатое другом и им самим дело, отомстит ли за смерть возлюбленной? Ответы на эти вопросы вы сможете найти, прочитав замечательную книгу Кирилла Тимченко «Пустой мир. Кровь и честь».

Кирилл Тимченко

ПУСТОЙ МИР

КРОВЬ И ЧЕСТЬ

Глава 1. Поверхность

Мир, рожденный первым во всей многомерной Вселенной, уже должен был умереть и исчезнуть, пройдя свою эпоху рождения и расцвета так давно, что об

этом времени не осталось даже воспоминаний. Только благодатное забвение, обещающее покой и тишину древним руинам, никак не наступало. Он с упорством бился в предсмертной агонии, и лишь где-то глубоко, под скопившимися слоями смерти и разрушения, продолжало глухо стучать его истощенное сердце, никак не желающее остановиться.

Высшие силы, создавшие реальность, оказались настолько впечатлены такой тягой к жизни, таким отчаянным нежеланием умирать, что смирились с происходящим, и вместо забвения подарили миру его нынешнее существование на грани жизни и смерти. В качестве платы за это он стал кладбищем для тех из созданных ими мирозданий, отметенные как ущербные или не выполнившие своего назначения. Здесь память о неудавшихся экспериментах должны была сохраняться вовеки под их любопытствующим взором. Демиурги изучали и запоминали свои собственные ошибки, чтобы позже не повторять их вновь, наблюдая за тем, во что в итог выльются начатые эксперименты. Никакие законы мироздания теперь не были абсолютным началом и идеалом. Этот мир более не предназначался для порядка, так что Демиурги и не стремились его поддерживать, оставив все на волю случая.

Обширные пространства поверхности этого мира никогда не была приветливым местом ни для одного живого существа. Лишь погруженные в вечный мрак пепельные равнины, усеянными величественными останками давно погибших цивилизаций. Заброшенные развалины древних городов, когда-то величественных, но от которых остались лишь обветренные остовы. В бесконечных лабиринтах разрушенных зданий обитали жуткие существа, сумевшие приспособиться к столь суровым условиям, и небольшие, похожие на мох и лишайники, растения, выживающие без солнечного света. Эти развалины были надгробиями давно забытых миров, посещаемые только суровыми пустошными ветрами, несущими с собой зараженную пыль и испарения кислотных озер. Растянувшись на поверхности на тысячи километров, вплетали в себя огромные остовы небоскребов, засыпанные песком и пеплом дороги, полуразрушенные комплексы зданий и давно заброшенные площади с памятниками всеми забытым героям.

Судьбы тех живых созданий, что еще пытались выжить там, никогда особо не интересовали Демиургов. Они слишком малы и слабы, чтобы обращать на них хоть какое-то внимание и тратить время, которое весьма ценили даже в своей бесконечной жизни. Конечно, порой эти мелкие существа, остатки прежних попыток создать нечто, достойное их взгляда, забавляли, но не более того. А эти

ничтожества копошились там, на развалинах собственных величественных империй и грандиозных миров, рухнувших, когда, казалось, достигли вершин величия и совершенства. Одни из них действительно, собственными усилиями, медленно, с потом и болью преодолевая каждый шаг, сумели выбраться из пепла мироздания, вернувшись к технологиям и цивилизации. Другие так и остались в том каменном веке, в который были отброшены гибелью собственных цивилизаций, постепенно превращаясь в дикарей и забывая, кем когда-то являлись.

Пусть их старый мир и изменился безвозвратно, унося в темноту безмолвия все то, что когда было постоянной частью их жизни, пусть теперь им приходится бороться с самой природой и сущностью этого нового, черного и мертвого, но сами люди все равно остались прежними. Власть, достоинство и богатство терзают их души так же, как и раньше, заставляя сражаться друг с другом с не меньшим ожесточением, с каким их предки когда-то убивали друг друга под светом яркого солнца, ныне забытого и остававшегося только в детских сказках.

* * *

Древнее покрытие заброшенной дороги проламывалась под широкими траками тяжелого танка, едва протискивавшегося между покосившимися стенами еще стоявших зданий. Для подобной махины необходимо широкое пространство и свободный обзор, а не такая зажатость маневра, но он продолжал уверенно двигаться вперед, сминая любое возникающее перед ним препятствие.

На капитанском мостике танка сейчас в легком полевом снаряжении, состощим из укрепленного комбинезона со встроенным каркасом жесткости и закрепленного коплекта внешних накладных бронепластин, заложив руки за спину, стоял молодой барон Тристанского Дома, руководивший операцией прямо на поле боя. Как истинный дворянин, Эдвард был высокого роста и с тренированным телом, к тому же усиленным целым рядом операций, проведенных еще в младенчестве, но при этом с характерными аристократически тонкими чертами лица. Как и все, рожденные и росшие под искусственным освещением, имел бледную кожу и белые волосы, коротко стриженные и не мешающиеся под боевым шлемом. Больше всего выделялись природной голубизны глаза, отличительная черта его рода, хотя подавляющее большинство его подчиненных имело характерный при нехватке цветовых пигментов красноватый цвет зрачков.

Эдвард Тристанский лишь покачал головой, глядя на изображение, показываемое сейчас на обзорных мониторах. Компьютер собирал информацию, объединял и пропускал через ряд фильтров, выводя в итоге уже полноценное трехмерную графическую модель. Ему казалось, что использовать тяжелый танк «Викинг» в таких условиях было ошибкой. С другой стороны, это является отличной проверкой всех его систем в полевых условиях, максимально приближенных к настоящим сражениям, но без особой опасности для самой машины и экипажа.

Танковый класс «Викинг» называли сухопутным линкорам, и проектировался изначально как сверхтяжелый многофункциональный танк, доминирующий на поле боя. Общим весом вместе с запасом топлива и боеприпасов не менее сорока тысяч тонн, закрытый тяжелой броней и накопительными дефлекторными щитами, способными выдерживать обстрел почти любой мощности, такой танк из орудия основного калибра мог подстрелить противника на расстоянии до тридцати километров, прямой наводкой сбивая даже крупные воздушные цели. Для большей проходимости гусеницы были разделены попарно и так же закрыты броней, оставаясь, к сожалению, одним из самых уязвимых его мест из-за собственного веса и габаритов. Ремонт в полевых условиях был невозможен, и танк с поврежденной гусеницей превращался в большую, хоть и хорошо бронированную, но все же неподвижную мишень.

– Прикрытие вступило в огневой контакт с противником в пяти километрах от нашего местоположения, господин, – сообщил один из операторов на мостике, – Просят огневой поддержки. Сопротивление не серьезное, но они не хотят рисковать техникой. Противник в большом количестве применяет реактивные заряды, могут прожечь броню в случае прямого попадания.

– Рассчитайте курс, – кивнул Эдвард в ответ, – проверим второстепенные орудия.

Доподнительное вооружение «Викинга» состояло из двух рельсовых орудий с электромагнитными ускорителями калибра сто сорок миллиметров, совершенно бесшумно выпускающих снаряд на скорости до пяти километров в секунду. Стрелять из них сейчас было все равно, что из пушки по крысам, но лучших мишеней пока что не предвидится.

Настоящий противник представлял собой кочевую орду дикарей, вторгшихся в зону влияния поверхностной базы. Первый контакт с ними, довольно вежливая просьба покинуть эту территорию, окончился неудачно, дикари ответили

отказом. Дом Тристана не привык спрашивать дважды, и в ответ было принято решение уничтожить всех пришельцев, заодно проверив новую, только поступившую на вооружение технику, еще нигде прежде не использовавшуюся.

– Фиксирую две мишени, – передал координатор огня, – в шести километрах от нас. На сигнал «свой-чужой» не реагируют. Обнаружены многочисленные пуски реактивных снарядов по позициям союзных единиц.

– Сквозь здания прострелим? – поинтересовался молодой барон, выведя на главный монитор трехмерное изображение поля боя. Между танком и обнаруженными целями высились громады полуразвалившихся небоскребов.

– Да, господин. Снаряды пробьют развалины без угрозы обрушения, – ответил оператор, получив данные от наводчиков.

– Тогда попробуйте подбить их из второстепенных орудий, – приказал барон, – огонь залпами, повторный выстрел только после корректировки прицела.

Оба электромагнитных орудия развернулись в сторону целей и дали залп. Пятикилограммовые снаряды почти беззвучно пробив стоявшее на пути полуразрушенное здание, оставив в нем только крупные дыры, и обе точки целей сразу же исчезли с радара.

– Сверните как можно ближе к ним, мне нужен визуальный обзор, – велел Эдвард, – Хоть поймем, по чему сейчас стреляем.

Пока транк проламывался сквозь городские развалины, барон вызвал автобота с чашкой кофе. Ранним утром организм все же требовал ударную порцию кофеина для окончательного пробуждения. Небольшой дрон с антигравом, выполнявший роль слуги на мостике, прибыл минуту спустя, держа на подносе чашку кофе. Армейский, со складов, напиток даже близко не стоял рядом с те, что приходился Эдварду по вкусу, но его сейчас почти не ощущал, будучи слишком занят ситуацией на поле боя. Отпив глоток, включил внешнее радиовещание, вслушиваясь в общий белый шум и обрывки радиопередач.

Эфир сейчас заполнен сигналами дикарей, только начавшими понимать, с кем столкнулись. Все их вооружение на деле оказалось не способным выстоять против техники Тристанского Дома, но отступать теперь уже было некуда. Слабо

бронированная и маломощная техника, представлявшая собой вручную собранные из обломков автомобили и грузовики, ничего не могла противопоставить вымуштрованным и отлично экипированным бронетанковым подразделениям Тристанского бароната, опиравшимся на мобильные возможности тяжелых транспортов и десант пехотных соединений. Начиналось методичное уничтожение окруженной орды, которой только и оставалось, что принять последний отчаянный бой.

В конце улицы появился в зоне прямой видимости один из танков сопровождения, передав сообщение, что основное сопротивление противника развернулось в соседнем секторе. В этот же момент на другом конце улицы показался большой и тяжело нагруженный грузовик, в сравнении с огромной тушей «Викинга» казавшийся совсем миниатюрным. Прежде защищенный высокими бетонными стенами и по большей части небронированный, дикарь до этого момента оставался вне локационного покрытия «Викинга». Наверное, и на самом грузовике не было никаких средств обнаружения, иначе просто не объяснить, как он выехал прямо на прямую наводку двух тяжелых боевых машин. Танк сопровождения выстрелил первым, но из-за неожиданности появления цели и спешной наводки, снаряд прошел мимо, взорвавшись в паре метров левее. Машину тряхнуло ударной волной, но водитель удержал управление и сразу же сдал назад, спешно ретировавшись в тот же проулок, из которого и появился.

– Вторым калибром, навесной, с напалмовой начинкой, – сказал Эдвард, подключив картинку со спутника, висевшего над полем боя. Снова обнаружить сбегающий грузовик не составило никакой проблемы, осталось только задать траекторию выстрела.

Вторая башня «Викинга», расположенная чуть ниже главного калибра, задрала орудие вверх и сделала выстрел. Напалмовый снаряд триста пятидесятого калибра вылетел почти вертикально, достиг высшей точки своей траектории, после чего рыхнул вниз. Примерно на высоте двухсот метров сработал взрыватель, и горящий напалм разлился на территории в несколько десятков квадратных метров. Картинка померкла в белом матовом свете, а место, где ехал грузовик, исчезло в потоках пламени.

Передав танку сопровождения задание подтвердить уничтожение вражеской единицы, Эдвард приказал «Викингу» двигаться дальше, к месту скопления основных сил дикарей. В том районе от городской застройки почти ничего не

осталось, только обгорелые развалины высотой в два или три этажа, что для «Викинга» как открытая местность. Удивительно, почему дикари выбрали именно этот участок для обороны, но может быть, из-за того, что и им тоже ничего не загораживало обзор. Стоило только выехать, как в дефлекторный щит одной из башен угодил реактивный снаряд, пущенный по низкой дуге. Заряд оказался недостаточно мощным, не способный ни пробить, ни даже серьезно повредить его, оставив только небольшую черную кляксу взрыва, растаявшую через пару секунд, но предупреждение все же неплохое.

Тут же рассчитали траекторию полета, зафиксировав сразу несколько вражеских единиц. Небольшая группа, сумевшая обойти отряд прикрытия, следующий по флангам «Викинга».

– Главный калибр, – только и приказал Эдвард, отхлебнув еще кофе и переведя основной дисплей на изображение с внешних камер. У этих дикарей не было ничего, что могло нанести повреждения столь мощной боевой единице, – посмотрим, каков будет результат от поражения небронированных целей, – те несколько миллиметров стали и чугуна, что прикрывали корпуса обнаруженных единиц, назвать броней у него язык не поворачивался.

Основным орудием танка являлась импульсная пушка класса «разрушитель», до этого устанавливающая только на крейсерах или фрегатах. Направленный импульс посылал двухтонный снаряд на расстояние до тридцати километров при стандартной силе гравитации, но из-за мощной энергетической отдачи устанавливались магнитные стволовые тормоза, так что конструкция башни даже была изменена специально под подобное орудие.

Первый выстрелом попали прямо с середину двигавшегося колонной отряда, превратив в пыль две машины и взрывной волной отбросив еще одну далеко в сторону. Ударная волна, смявшая развалины в нагромождения щебня, раскидала так же несколько небронированных грузовиков, оставив от них только сплошное месиво железа, фанеры и защитных материалов. Шедший в голове этой колонны небольшой танк, усиленный дополнительной навесной броней и переживший первый удар, развернул орудие и сделал ответный выстрел, угодив куда-то в лобовую часть «Викинга», но снова даже не повредив его. Второй раз целились уже по нему, уничтожив вместе с остатками спешно собиравшейся вновь колонны.

– Двигаемся дальше, – когда целей на этом участке не осталось, приказал Эдвард, возвращаясь взглядом к командному пульту. Здесь на тактическом дисплее отмечалось расположение всех единиц отряда, затягивающих кольцо вокруг последних сил противника, все еще пытающихся сопротивляться. И чем дальше они продвигались вглубь кольца, тем больше целей появлялось. Неудивительно, что сразу дикари отказались от мирного предложения покинуть эту территорию, у них было не меньше нескольких сотен единиц тяжелой техники, не считая грузовиков и подвижных платформ, почти целый городок на колесах, представлявший в пустошах серьезную силы. Странно даже, что еще нигде не осели, ведь вполне могли бы даже захватить какой-нибудь небольшой анклав и сделать его своим, подумал тристанский барон. Скорее всего, все еще искали наиболее подходящее место.

«Викинг» прицельно стрелял с небольших остановок, громя последние точки сопротивления, где дикари еще пытались укрепиться, постепенно подбираясь к самому центру. Вся дорога сверхтяжелого танка вскоре отмечалась чадящими кострами горящей и развороченной техники, которую обрабатывали порой сразу из нескольких калибров. Операторы прокладывали курс к зафиксированному спутниками большому количеству техники противника, в основном подвижные и слабо вооруженные платформы, либо же тяжелые многоосные грузовики, сбившиеся в кучу и не способные себя защитить. Отличная возможность обкатать прицельные системы «Викинга».

– Скорострельным шестидесятимиллиметровым, длинными очередями, – почти ленивым тоном приказал Эдвард, наблюдая на дисплеях появляющиеся точки обнаруженных целей. В этот момент по танку вели огонь, но без какого либо результата, снаряды или соскальзывали, или разбивались, даже не оставляя царапин, в лучшем случае, небольшие подпалины. Скорострельные пушки в ответ прочертили сразу несколько очередей разрывов по скоплению врага, круша небронированные борта или легкую противопульную броню грузовиков как тонкую бумагу.

– Слишком много в одном месте, – задумался тристанский барон, глядя как «Викинг» из нескольких своих орудий разносит технику дикарей, – разумнее было ее рассредоточить. А если бы, к примеру, у нас была бы авиация? Пары заходов было бы достаточно, чтобы тут одни воронки остались… – и уже громче приказал, – подключите тепловизор, разрешение на поиск любых форм жизни.

Экран тут же расцвет теплыми и холодными оттенками цветов тепловизора. Яркими красками полыхали горящие грузовики, расцветали красными лепестками новые взрывы и вспышки разрывов снарядов, но людей, которые здесь должны были бы быть, почти не отмечалось, попадаясь слишком редко.

Здесь должны быть семьи и мирные жители, не занятые охраной конвоя, последние остатки которого сейчас добиваются карательными силами, но ничего даже близко подобного не обнаружено. Машины банально брошены вместе с минимальным числом смертников, оставшихся удерживать оборону и создавать видимость присутствия всего племени.

– Прекратить огонь! – приказал Эдвард, обнаружив, что стрелять особо и не по кому, – их здесь нет! Отправьте разведботы, пусть обследуют всю окружающую территорию, – дикари все-таки сумели его удивить, сообразив, что ориентируются тристанские войска прежде всего на технику. Собрали ее в одном месте, используя как приманку, а сами ушли другим путем, выигрывая хоть немного времени, чтобы оторваться от преследования.

– Господин, – примерно через минуту прозвучал голос связиста, – наши радары фиксируют приближение воздушного транспорта. Код «свой-чужой» передается на параметрах Дома Гористаров. Судно не вооружено, но его взяли на прицел. Какие будут ваши приказания?

– Не стрелять. Если бы эти падальщики хотели войны, то прислали ракету с ядерным зарядом, а не транспорт. Запросите у него цель пролета здесь. И заодно сообщите в ультимативной форме, что здесь наша территория, если у него нет тут конкретной цели визита, то собьем без каких-либо дополнительных предупреждений.

– Будет сделано, господин, – подтвердив получение приказа, связист отключился.

До сих пор появление представителей этого Дома не предвещало ничего хорошего, но с ними необходимо поддерживать если не добрососедские, то, как минимум, нейтральные отношения. Гористары были не менее крупным и значимым Домом, чем сам Тристанский Дом, а теперь еще они даже не постеснялись прибыть в зону военных действий на его собственной территории. Тут уже не остается других вариантов – либо случилось что-то настолько

важное, что Гористары не смогли переварить это самостоятельно, либо откопали какую-то действительно большую гадость, и, исходя ядом, торопились излить ее на голову молодого главы дома.

Стоило определенных усилий удержаться от мысли отдать приказ сбить их корабль, а потом еще выдвинуть Гористарам претензии, по какому праву посылают свои воздушные силы над территорией, подконтрольной другому Дому. От исполнения подобной задумки удерживало лишь только то, что Эдварду интересно, что же такое задумало это столь противное ему семейство. Транспорт в ответ на запрос на посадку получил разрешение на приземление в паре километров отсюда, где карательная экспедиция устроила временный полевой лагерь.

«Викинг» сделал поворот, передней левой гусеницей снеся остатки какого-то здания, и направился в ту же сторону, оставив пехотным частям, только подъезжающим к месту боя, окончательную зачистку местности и уничтожением последних групп уцелевших. Эдвард был уверен, что дикари не могли далеко уйти, в невооруженной части обоза, как передавал разведка, находилось не менее трех тысяч гражданских, и они не могли просто так исчезнуть.

Только показывать сам «Викинг», остававшийся еще секретной разработкой, послам Гористаров тристанский барон не собирался. Гораздо лучше будет, если приедет встречать послов на обычном пехотном вездеходе, к тому же на нем будет легче добраться до точки сбора. «Викингу» придется объезжать широкий и глубокий разлом, протянувшийся через зону боевой операции, а вот бронетранспортеру будет вполне достаточно проехать по одному из нескольких кремниевых мостов, проходивших над разломом. Когда территорию только начали осваивать, геологи заявили, что ничего искусственного здесь нет, все лишь результат очередного Катаклизма, бушевавшего здесь около десяти-двенадцати тысяч лет назад. Он и вызвал разлом в земле, настолько глубокий, что посланный вниз датчик дошел до пределов зоны посылаемого сигнала, но так и не достиг дна. Мосты, скорее всего, тоже были результатом его влияния, кремниевые структуры в них почти полностью разрушены, из-за чего обычно монолитный минерал здесь был пористым и похожим больше на вулканическую пемзу.

По плану, у Эдварда и личного состава мостика был отдельный выход из танка, прямо на крышу танковой башни, через двухуровневый люк, но им можно воспользоваться только в доке базы, где на такой высоте установлены мостики,

позволяющие без особой опасности спуститься на землю, а так приходилось пользоваться одноразовыми прыжковыми ранцами. В переходном шлюзе имелись костюмы для безопасного выхода на поверхность. Естественно, легкие и не предназначенные для ведения боевых действий, состоявшие из композитного материала, с двумя внутренними слоями: из свинцовых нитей и искусственного утеплителя. Завершал все кевларовый шлем с противогазом и небольшим баллоном с запасом сжиженного воздуха, так как на поверхности кислородная атмосфера, пригодная для дыхания, встречается крайне редко. Для встречи с Гористарами больше подошел бы парадный камзол с расшивкой из золотых и зеленых цветов, основных цветов герба Дома, но в полевых условиях может подойти и такой комбинезон, пусть решат, что их визит не так уж и важен.

Снаружи давление немного меньше стандартного, и как только внешний люк шлюза открылся, воздух резким порывом вылетел наружу, сдув туда же редкую пыль, уже успевшую скопиться в углах камеры. Внутренний монитор, проецируемый прямо на забрало шлема, несколько раз мигнул, настраиваясь на изменение освещения, и только после этого стал показывать более или менее четкую картинку. В левом нижнем углу высветились основные показатели внешней среды, из которых следовало, что человек без защиты дыхания сможет здесь прожить не больше суток, после чего легкие забьются пылью и пеплом настолько, что они откажут. В верхнем левом углу также появилась локационная сетка, куда передавались данные со спутника. Сейчас ее большую часть занимала огромное пятно, отображавшее «Викинг». Рядом с ним было еще одно маленькое – транспортер, дожидавшийся Эдварда.

Спрыгнув вниз, молодой барон активировал прыжковый ранец, затормозивший падение и позволивший мягко приземлится на покрытое трещинами и обломками дорожное покрытие. От самого «Викинга», в такой близи казавшегося действительно огромным, веяло жаром и сильным, пробивавшимися даже через фильтры, запахом раскаленного железа и озона. Так же пахло горелым топливом и горящей техникой, слабый ветер, постоянно дующий в сторону Эдварда, приносил с собой смрад пожаров, оставшихся от разбитого конвоя дикарей.

Бронетранспортер, большая четырехосная боевая машина, засекла его появление и подъехала буквально через несколько секунд. Один из боковых люков открылся, и там показался солдат, жестом руки приглашая зайти внутрь. Его стандартный боевой костюм внешне напоминал древние доспехи, с тяжелой

внешней сегментированной броней, при этом сохраняя такую же подвижность, что и без него. Подобное снаряжение составляло основу войск Тристанского Дома, а на их базе уже разрабатывались самые различные модификации.

– Господин, мы готовы отправляться, – доложил солдат, отдав честь. Через внешние динамики его голос был больше похож на гудение минотавра.

– Тогда поехали, – сказал Эдвард, залезая внутрь и закрывая люк за собой. Водитель по первой же команде резво включил с места сразу третью скорость, разгоняясь по дороге, оказавшейся далеко не самой ровной. Под колесами постоянно попадались провалы или рухнувшие развалы стен, из-за чего машина подскакивала и тряслась. Если бы не эластичные ремни, держащие на своих местах пассажиров, всех находящихся внутри уже давно кидало бы по всему отсеку как шарики в полупустой банке. К сожалению, для слабо бронированной техники, к которым относили и такие транспортеры, это был единственно дозволенный способ перемещения по зоне боевых действий, обеспечивающий шанс на выживание. Врагов, конечно, почти не осталось, но многочисленные опасности пустоши на ничем не контролируемой территории никто не отменял.

За минимально возможное время бронетранспортер успел доехать до одного из кремниевых мостов, идущих через разлом, разделявший этот сектор на две части. Здесь один из старых городских небоскребов свалился, когда большая часть фундамента осыпалась вниз, рухнув прямо поперек протянувшейся через кварталы широкой трещины, чудом не треснув и не развалившись, но так оставшись и дальше висеть над пропастью. Вокруг этого здания постепенно и вырос один из мостов. Длинные и толстые наросты кремния, похожие на угловатые лозы, оплетали опоры и прорастали сквозь перекрытия упавшей железобетонной конструкции, соединяясь на верхних уровнях в некое подобие моста, кривого, местами разветвляющегося, а местами снова стягивающегося и перекручивающегося как растрепанный канат. Одна из таких кремниевых полос была достаточно широка и протяжена, чтобы по ней мог проехать бронированный транспорт.

А уже сразу за этим мостом начиналось давно затвердевшее шлаковое озеро, поглотившее прежнюю городскую площадь и большую часть окружавших его зданий, похожих на затопленные в реке развалины, где сейчас развернулся ремонтный блок и оперативная база Тристанского Дома. Рядом с развернутыми куполами полевых солдатских палаток на антигравитационных подушках уже висел приземлившийся транспорт Гористаров с приставленным трапом. Посол,

получается, сошел на грешную землю поверхности, дожидаясь аудиенции барона.

Бронетранспортер медленно съехал с кремниевого моста на растрескавшееся древнее дорожное покрытие, сразу попав под прицел трех ракетных турелей, закрывавших это направление. На поверхности всегда приходилось быть осторожным и внимательным, здесь существовало множество прочих опасностей кроме привычных дикарей и мутантов. Сегодня исключение сделано лишь для воздушного судна Гористаров, но и то, находясь на территории базы, оно продолжало находиться под прицелом сразу нескольких зенитных комплексов, с такого расстояния способных разорвать его бронированный корпус на куски всего за пару секунд.

Основой лагеря являлась размещенная в центре мобильная ремонтная установка, способная полностью разобрать и собрать обратно танк среднего класса всего за пару часов. И уже вокруг этой установки разбили оперативный лагерь, расставив большие палатки из полимерного материала, тяжелого и прочного, с укреплявшими их металлическими каркасами. Периметр лагеря закрывали несколько слоев колючей проволоки под напряжением и расставленные автоматические лазерные турели, стрелявшие по любым биологическим объектам, показывающимся в зоне поражения и не имевшие определительных чипов солдат Дома.

Транспорт, проехав мимо напряженно попискивающих дроидов-охранников, еще несколько секунд ведущих его лазерами наведения, остановился около командного центра, рядом с установленной полевой радиовышкой, где пилот уже открыл двери, сообщив о прибытии на базу.

В лагере сильно пахло озоном от работающего ремонтного блока, но хотя бы можно было дышать без респиратора. Кислородная установка воспроизводила в радиусе пяти сотен метров вокруг себя вполне пригодную для дыхания атмосферу. Только не могла вытянуть кислый и горький запах, почти неосязаемо чувствовавшийся вокруг. Непонятно даже само его происхождение, но пока никому не мешал, никого сильно и не заботили такие мелочи, поверхность доставляла слишком много других проблем, чтобы еще и тратить время и ресурсы на попытки избежать неприятных, но все же не опасных запахов.

У входа в шатер столовой, охраняемый двумя бойцами Тристанского дома, сейчас стояло еще несколько гористарских солдат, бросавших по сторонам

затравленные взгляды. Их снаряжение не сильно отличалось от тристанского, но уж больно сильно украшено геральдической росписью, напоминая парадное, сверкавшее красными и золотыми цветами, основными цветами герба Гористара. Самой же заметной деталью были декоративные наплечки в виде оскаленной головы пустошного волка, гербогово животного Гористарского Дома. Парадное снаряжение лишний раз подчеркивало мирные намерения посла этого Дома. Там же стоял и сир Дариер, полевой командир всей карательной операции, явно дожидающийся прибытия своего сюзерена.

– Господин, – сир Дариер поклонился, как только увидел Эдварда, – сошел посол Гористаров, сейчас он ждет вас внутри. Не знал, куда его можно определить, но в столовой он хотя бы не увидит ничего лишнего.

– Превосходно, – согласно кивнул тристанский барон, – он не представился?

– По имени нет, – покачал головой офицер, – но, похоже, кто-то из родового семейства. Видимо, действительно что-то важное, если Гористары решили рискнуть кем-то из своих родственников. Мы ведь вполне могли сбить транспорт еще на подлете…

– Увеличьте количество постов по периметру, – приказал Эдвард, оценивая возможные последствия и сразу начиная готовиться к худшему, – и предупредите основную поверхностную базу, пусть будут готовы к возможному нападению. Они вполне могут пожертвовать одним из своих, а потом застать нас врасплох… Да, и начинайте уже собирать войска. Нам нет смысла охотится за каждым дикарем, поверхность убьет последних и без нашей помощи.

– Как прикажете, господин, – кивнул офицер в ответ, – и, кстати, ваш «Викинг» передал данные с разведботов на расшифровку. Вам сообщить о результатах?

– Обязательно, – Эдвард еще раз посмотрел на дверь столовой, – посол там один?

– Один, и без оружия. Мы у него даже церемониальный кинжал забрали, кивнул его вассал.

– Встреча тет-а-тет, – усмехнулся в ответ и хлопнул полковника по плечу, – как свидание, но только с врагом.

– Гористары намного хитрее любой девушки, – сказал сир Дариер, не ответив на попытку разрядить обстановку, – и пойдут на все, чтобы помешать нам. Мы ведь даже до сих пор не знаем, были ли они причастны к гибели вашего отца.

– Если мы это узнаем и сможем доказать, – тотчас посерьезнел Эдвард, – то единственное, что они от меня получат, будет небо, полное боевых кораблей, и земля, засыпанная водородными бомбами. И уж никакими послами я их предупреждать не буду, – с этими словами, отдернув полог, вошел внутрь.

Столовая отличалась от всех остальных установленных палаток тем, что больше напоминала ангар для воздушной техники по своим размерам, ведь внутри могли разом поместиться все солдаты, участвовавшие в операции, хотя большую часть времени пустовала. Из всей меблировки внутри находились лишь длинные и широкие пластиковые столы и скамьи, выстроенные в несколько рядов протяженностью во все помещение, за которыми солдаты и принимали пищу. Внутри в этот момент никого не было, кроме самого посла, сидевшего здесь с таким видом, будто одно лишь его присутствие облагораживало данное место, и одинокий служебный дрон, убиравший грязную посуду.

Посол даже не поднялся, когда Эдвард, одетый лишь в простой полевой защитный костюм, вошел внутрь. Сам одетый как на торжественном приеме, в отделанном дорогими мехами парадном камзоле и теплом плаще с такой же меховой подбивкой, Гористар чуть слышно постукивал по полу металлическими набойками каблука, ожидая, пока вошедший подойдет ближе.

– Барон Тристанский, как я понимаю? – протянул он, когда Эдвард подошел, – говорить я обязан только с ним, без чьего-либо еще участия.

– Перед тобой барон, а не адъютант, – ледяным тоном сказал молодой правитель Тристана, смерив своего собеседника столь уничижительным взглядом, что посол моментально растерял всю свою напускную спесь и, утратив прежний хозяйский вид, поднялся, подобающим образом поклонившись.

– Тогда позвольте и мне тоже представиться, – сказал он, разгибаясь и снова посмотрев на молодого барона, – Такиль Аз’Сабир де Гористар, личный посланник великого графа Гористара, великого Дома королевства Рейнсвальд.

Посол упомянул родовое имя Дома, значит, приходился прямым потомком одной из ветвей этого древнего рода, знаменитого даже не столько своими огромными богатствами, хоть и упорно выставляя их напоказ, сколько вечно скользкой и грязной политикой, жестокостью как к врагам, так и к своим вассалам, а главное, постоянной, словно у них это уже заложено в генах, склонностью к обману. Еще ни один из Гористаров не удержался от того, чтобы, изловчившись, не ткнуть кинжалом в спину бывшему другу. Потому и соглашения с ними заключали только по самой острой необходимости, либо когда были полностью уверены, что поддержание этого соглашения будет выгоднее Гористарам, чем его расторжение.

Тристанский баронат в этом ракурсе выгодно отличался от Гористаров. Еще дед Эдварда любил говорить: «Будь честен с другом, жесток с врагом и справедлив с союзником, тогда сможешь иметь опору в нужде, помощь в беде и победу в войне». Тристанский Дом имел соглашения почти со всеми Домами Рейсвальда, кроме Гористаров и еще нескольких, бывших или потомственными Домами этого рода, либо его старыми союзниками, больше походившими на вассалов, поскольку почти не имели возможности вести собственную политику.

Из-за относительно спокойных границ с другими Домами Тристанский баронат мог уделять часть энергии и ресурсов на развитие качественных возможностей своей армии, уделяя немало внимания постоянному совершенствованию техники и вооружения, исходя из правила, что дешевле подготовить одного опытного солдата, чем двоих новобранцев. Гористары же всегда воевали числом, активно используя не только свои армии, но и технологии клонирования, буквально заваливая поля сражений трупами своих бойцов. В общем, в человеколюбии или расовой толерантности этот Дом никто обвинить не мог.

– Тогда можно ли мне осведомиться, Такиль Аз’Сабир, что же вас заставило покинуть безопасность родного Дома и прилететь сюда? Так далеко от Рейнсвальда, где есть риск быть сбитым или попасть к мутантам, – спросил Эдвард, усаживаясь на скамейку напротив, – и сразу, давайте забудем о дворцовом этикете, здесь не королевские залы, чтобы потеть над всеми этими нагромождениями титулов и рангов. Здесь зона боевых действий, говорить приходится четко и по делу.

– Как изволите, – наклонил в знак согласия голову посол, сев по другую сторону стола, – как вам известно, у Дома Гористаров до сих пор нет соглашения с вашим Домом с плачевных событий времен вашего прадеда.

– С плачевных? – удивился Эдвард, – насколько мне помнится, ваши корабли намеренно напали на конвой, идущий под знаменем Тристанского бароната, и защищавшие его солдаты были просто вынуждены открыть огонь. А баронат был вынужден ответить на такое недвусмысленное оскорбление…

– Что привело к военным действиям, длившимся более двух лет, – закончил посол, – и это делает произошедшее лишь еще более трагичным, поскольку уверен, что ни одна из сторон не мечтала о войне друг с другом.

– Давайте немного конкретнее о цели визита, – предложил Эдвард, возвращаясь к теме его прибытия, – все-таки, чем обязаны такой… – чуть задержался, подбирая подходящее слово, – такой неожиданной встрече?

– Видите ли, во многом мое прибытие связано с деятельностью вашего союзника, герцога Камского. Если быть точным, связано даже с его определенными кораблестроительными планами. Понимаете, торговая деятельность герцогства во многом мешает процветанию нашего графства, и до сих пор мы с этим мирились…

– Думаю, мирились вы с этим в первую очередь из-за того, что на Камских верфях стояли гарнизоны тристанских войск. И до сих пор стоят, готовые стрелять по любым вашим кораблям, какие только подойдут на расстояние выстрела. И в том, что торговые корабли сворачивают туда, во многом виноваты вы сами, постоянно поднимая пошлины за товары, – вежливо улыбнувшись послу, поправил Эдвард.

– Торговая политика Гористаров вряд ли может каким-то образом касаться вашего бароната, господин барон, – так же притворно улыбнулся посол, – в то время как подготовка «Сакрала» напрямую угрожает торговой и внешней политики графства. И мой граф весьма обеспокоен так же и тем, что Тристанский баронат так же вкладывается в постройку этого корабля и даже привлекает в этот проект другие Дома, снабжающие герцогство средствами, вполне достаточными для завершения этого проекта. «Сакрал» может оказаться гибельным проектом для всего Рейнсвальда.

Эдвард мысленно улыбнулся. Так вот, значит, в чем крылась действительная цель встречи. «Сакрал» должен был стать первым в истории колонизационным кораблем класса «Миротворец», спущенным со стапелей Рейнсвальда, в нем

использовались древние технологии, за огромные средства выкупленные у Реструкторов, модернизированные и измененные уже тристанскими и камскими учеными. До сих пор многие Дома считали закладку этого корабля слишком амбициозным и рискованным проектом, в одиночку герцогство не смогло бы вытянуть и половины его постройки, но теперь, из-за помощи Тристанского Дома и определенных событий, связанных как со всем Домом, так и лично с Эдвардом, финансирования должно было хватить. Причин было еще больше, если связывать все с внутренней политикой Рейнсвальда, но зашевелились Гористары именно в свете недавно заключенного Эдвардом договора, сообразив, какая опасность им угрожает, если корабль будет завершен.

– Видите ли, – осторожно ответил тристанский барон, тщательно подбирая слова, – внешняя политика бароната так же никаким образом не касается Гористарского феода до тех самых пор, пока между нашими Домами не будет заключено соглашение. Проект «Сакрал» был в первую очередь задуман как развитие Рейнсвальда, а главное, был одобрен королевской волей. И могу вас заверить, что будет завершен даже при сопротивлении вашего Дома. Так что можете передать своему барону, что его озарение насчет важности этого корабля наступило слишком поздно, и в настоящее время в его средствах проект более не нуждается.

– Проект «Сакрал» был одобрен волей Иинана Третьего, – кивнул посол, – а король сейчас находится при смерти. Несмотря на то, что все мы молимся за его выздоровление, должны быть готовы ко всем возможным исходам его болезни. Вполне может оказаться, что преемник может наложить вето на завершение проекта. Не думаю, что тогда вложившиеся в его постройку Дома окажутся весьма рады такому повороту событий.

– Могу вас заверить, – мило улыбнулся Эдвард, – я уверен в том, что король справиться с этим небольшим недомоганием, и в дальнейшем будет радовать нас своим царствованием на престоле Рейнсвальда. Есть ли у вас еще какие-то вопросы?

– Да, есть и очень срочные. Во многом именно из-за них я здесь, – кивнул посол, словно что-то вспомнив, – так как мы не смогли достигнуть договоренности в первом вопросе, то я с прискорбием перехожу ко второму, по какому и был вынужден сюда прибыть. Сейчас, как понимаю, вы объявили зону боевых действий здесь, занятые уничтожением группы дикарей, вошедших на эту территорию…

– Вы чрезвычайно проницательны, друг мой, – съязвил Эдвард, – думаю, другие могли подумать, что здесь просто состоялся выездной раут Дома, но вы же сразу посмотрели в самую суть. Остается только понять, для чего же об этом спросили?

– Вопрос в том, что группа находится под покровительством графа Гористара, давшего им разрешение на проход по этой территории, находящейся под контролем королевства. И вашу операцию можно назвать прямым оскорблением великого барона, – посол безвинно улыбнулся, сказав эти слова как нечто само собой разумеющееся.

Эдвард силой воли заставил улыбку остаться на лице. Самое неприятное, что получалось из этой ситуации, так то, что события снова развивались так, как хотел граф Гористар. Этот старый павиан с чрезвычайно раздутым самомнением, которое с еще большим старанием поддерживала целая толпа подпевал и лизоблюдов, все же был отличным мастером интриг и успевал все просчитывать на несколько шагов вперед. Получается, специально заставил дикарей прийти сюда и даже уверил их в полной безопасности лишь для того, чтобы потом тристанцы разбили все племя в пух и прах. И теперь эти дикари, пролившие свою кровь ради чужих интересов, стали отличным козырем в руках графа Гористара, выглядя как оскорбление его Дома со стороны Тристана. Только вряд ли он думает, что теперь Эдвард станет так легко ему уступать.

Снова приторно добродушно улыбнувшись послу Дома Гористаров, тристанский феодал спокойным тоном ответил, потратив пару минут на то, чтобы правильно подобрать слова. Может быть, эта пауза была принята послом как проявление слабости, но тем интереснее разочаровать его в этом.

– Во-первых, хочу вам напомнить, что данная территория не является зоной влияния Рейнсвальда, а входил в подконтрольную зону поверхностной базы Дома Тристана. И это обозначает лишь то, что никто, кроме главы Дома, не имеет права юрисдикции на данной территории. И, в чем Дом Гористаров мог уже не раз убедиться, – Эдвард внутренне улыбнулся, сумел ввинтить напоминание о прошлых поражениях от тристанских войск, – что Тристан всегда готов защищать свои территории, вне зависимости от того, насколько силен противник. Так что в данном случае разрешение Гористара на проход по этой территории является прямым оскорблением мне, ведь ваш граф здесь не имеет подобных прав. Единственное, что он мог сделать в помощь этому племени, если

так уж не терпелось им помочь… Хотя в благотворительности его никто не мог никогда упрекнуть… то должен был обратиться ко мне с просьбой о том, чтобы уже я лично мог принимать решение в их отношении. Так как он этого не сделал, то все они, по всем принятым нормам и законам нашего королевства, являются нарушителями суверенных границ, с которыми и поступать следовало любым подходящим образом. Можете дословно передать вашему сюзерену мои слова.

Посол снова не смог удержать свою мимику и на долю секунды на его лице проступило выражение раздражения, словно рассчитывал на такой вариант, но все же надеялся, что Эдвард поступит по-другому. Такой же поступок заставлял переходить к более неприятным, пусть все же и запланированным, действиям.

– Жаль… Весьма жаль, что вы не согласны следовать авторитету нашего барона, – сокрушенно покачал головой посол, – граф Гористар очень высокого мнения о вас, но в то же время вы не можете не понимать, что опыт в управлении не приходит сразу, ему нужно долго и тяжело учиться, нередко даже на собственных ошибках. И я уверен, что графу Гористару будет горько наблюдать, как вы совершаете те ошибки, от которых так хотел вас предостеречь…

– При всем моем уважении к вашему сюзерену, – уже жестче ответил Эдвард, – я предпочитаю свой личный опыт, в котором могу быть уверен. А у меня его уже не мало. Может, нашего разговора это и не очень касается, но от каких ошибок меня хотел предупредить граф? До сих пор я следовал заветам моего отца и пока еще не был разочарован в данном отношении, хотя порой, на мой взгляд, некоторые решения казались… чересчур гуманными.

– Видите ли, – посол тоже не собирался отступать, – мой сюзерен вынужден защищать свои прямые интересы и, главное, свою позицию, а вы уже не в первый раз поступаетесь с его решениями. И еще одно оскорбление, нанесенное вами сегодня, может переполнить чашу весов его поистине безграничного терпения.

– Действительно, терпения у него хватает, особенно, когда оно касается его столь значительной персоны, – с сарказмом заметил Эдвард, – однако, прошу вас продолжить начатое. Кажется, вам есть, что еще мне сказать.

– Конечно, есть. Вы можете исправить ситуацию и восстановить прежние отношения, но для этого вам всего лишь достаточно будет отказать от финансирования «Сакрала». Граф рассчитывает, что вы его поймете, ведь это будет лишь тратой огромных средств, которые все равно не окупятся. И вы еще будете благодарить его за то, что предупредил вас.

– Если это единственное пожелание сюзерена, то я с удовольствием… – Эдвард внимательно посмотрел на посла, но тот уже справился с собой, сохранив каменное выражение лица, – откажу ему в этом. И даже добавлю, что «Сакрал» будет спущен со стапелей для завершающих работ сразу после публичного объявления моей помолвки.

– Значит, свадьба у вас все-таки состоится? – спросил посол без тени удивления, – тогда думаю, что имею право передать от лица графа самые искренние поздравления и пожелания счастливой семейной жизни.

– Никогда не думал, что Дом Гористаров пожелает мне счастливого супружества в этом браке, – сказал Эдвард, но поклонился, следуя по правилам этикета, в ответ на поздравление, – передайте ваше сюзерену, что благодарен ему за пожелания. И добавьте, что мне очень бы хотелось, чтобы только этим его заботы о моей будущей свадьбе и закончились. Теперь же позвольте с вами попрощаться. У меня сейчас множество неотложных дел, на которые приходится тратить свое время.

– Как вам будет угодно, – поклонился посол, – задерживать вас на большее время не собираюсь. Все, что мой сюзерен велел мне передать, я уже сказал в скромной надежде, что все же вы задумаетесь над этим и примите правильное решение, не совершая скоропалительных поступков.

– Будьте уверены, я никогда не принимаю поспешных решений, – заверил его Эдвард, поднимаясь, чтобы попрощаться. Словно специально в этот момент в столовую вошел связной, дважды поклонившись, сначала своему барону, а потом уже гористарскому послу.

– Господин, – отрапортовал связной Эдварду, – вы велели сообщить вам сразу, как только будут расшифрованы данные с разведбота. Все данные считаны, там обнаружен подземный ход, уводящий в систему пещер глубоко под уровнем земли. Господин полковник велел направить туда несколько

тяжеловооруженных отрядов, но ему нужно ваше подтверждение на применение силы к убегающим дикарям. Сейчас они еще держаться на расстоянии, но уже находятся в зоне поражения. Каковы будут ваши распоряжения?

– Мои распоряжения будут весьма просты, – он бросил быстрый взгляд на посла, стоявшего с выжидающим видом. Повернувшись к связному, закончил начатую фразу, – убейте всех, кого найдете. Никого в живых не оставлять.

Посол кивнул, принимая такое решение. Теперь ему точно есть, что сказать старому Гористару. Когда связной вышел, Эдвард следом тоже указал на дверь, предлагая сопроводить посла до трапа корабля, на что его собеседник любезно согласился. Сейчас снаружи несколько шумнее, чем в начале, поскольку боевые подразделения уже возвращались с поля боя к пунктам эвакуации, и большая часть из них проезжала здесь.

На прощание еще раз обменявшись любезностями с послом, стоя у самого трапа, Эдвард провожал его взглядом до тех пор, пока транспорт Гористаров не поднялся в воздух, быстро набирая высоту и разворачиваясь в сторону своего Дома. Не успел тот окончательно исчезнуть из виду, как к стоявшему барону подошел сир Дариер, с самым вопросительным видом, надеясь услышать подробности разговора. Как командующий силами Дома на этом секторе поверхности, он не мог так просто закрыть глаза на появление здесь представителей потенциального противника.

– Что хотел посол, господин? – спросил полковник, подождав, пока Эдвард к нему повернется, – снова возникли противоречия?

– Они никогда и не ослабевали, – спокойно ответил его сюзерен, – только теперь этот гнилосос действительно начал понимать, что последнее время мы только и занимались тем, что подливали масло в костер у него под ногами. Думаю, это была его последняя мирная попытка заставить меня отказаться от «Сакрала» мирными действиями. Видят Небеса, единственное, что удерживает меня от войны с ним, только моя свадьба. Не хочу начинать ее на поле боя, но если все же Гористары нападут первым, мы должны быть готовыми к тому, чтобы ответить. Ясно, полковник?

– Господин, мы всегда готовы, но у меня остается один вопрос. Неужели вы верите, что барон готов начать войну без поддержки во дворе короля?

– Король при смерти, – разумно заметил Эдвард, – и все те взятки, которые я и мой отец потратили на то, чтобы настроить королевских министров в нашу пользу, теперь ничего не значат. Эти жирные толстоносы сидят и ждут нового короля, преемника несчастного Иинана, и побегут с радостным визгом за каждым его решением как к корыту с кормом. Так что сейчас Гористару самое время начинать войну. Он рассчитывает в ней победить, а значит, сразу укрепить позиции своего кандидата. А тот уже одобрит любое его действие, каким бы незаконным оно ни было изначально… Полковник, велите подготовить мой корабль. Я возвращаюсь на Рейнсвальд. Придется превращать помолвку в военный совет. И все из-за этого павиана! – вздохнул тристанский барон с откровенным расстройством. Меньше всего хотелось думать о политике в такой светлый день. Странно звучит подобная фраза в мире, где никогда не восходит солнце, но для молодого барона свадьба действительно должна была стать лучиком света в его жизни.

Глава 2. Рейнсвальд

На высоте нескольких тысяч километров над поверхностью, окруженный поясом многочисленных мелких и крупных спутников из обломков разных размеров, в воздухе находится огромный остров. Поднятый в воздух древней и неизвестной силой, он стал ее одним воздушным островом высоко в небесах над опустошенной и выжженной поверхностью. Его основу составляют скальные породы, измененные потрясениями невероятного по мощности Катаклизма, когда-то прошедшего по этим землям. Те, кто жил там, называли его Рейнсвальд, в честь единственного в этом секторе огромного водопада, с размытой водой скалы Хребет Дракона, падающего с берега Рейнсвальда вниз, на поверхность. И именно эта вода позволяла жизни существовать здесь. Водопад питали выбирающие на поверхность реки, просачиваясь сквозь многочисленные трещины, из подземных пещер и поднимаясь все выше и выше, и в итоге разделяя на части пустоши своими извилистыми руслами с крутыми берегами. Легенды гласили, что воду этому острову дают мощнейшие аномалии, скрытые в недрах скал, такой же силы, что и аномалия, поддерживающая Рейнсвальд в стабильном состоянии и не дававшая ему обрушиться вниз.

Катаклизмы… Безумные штормы энергии и разрушенной материи, накрывающие целые области, были кошмаром этого мира, порой стирая сотни квадратных километров из этой реальности, либо же преобразуя их в нечто совершенно новое, являлись так же и последней надеждой на выживание. Энергия Катаклизмов, закручиваясь в самом эпицентре в гигантские вихри, разрушала обычные структуры веществ, изредка образуя новые, иногда даже более надежные соединения, такой же природы, как и многочисленные аномалии.

Тишину и покой равнин и горных хребтов острова, покрытые барханами пересушенной пыли и пепла, нарушали лишь ветры, пролетающие над Рейнсвальдом. Изредка они превращались в настоящие пылевые бури, на огромной скорости несущие тысячи тонн песка и пересушенной земли через трассы, проложенные через территории острова, обрушивались на сталебетонные купола оранжерей или наполовину врытые в землю жилые комплексы. За их стенами жили и работали тысячи людей, следившие за закрытыми от причуд погоды полями и парками. Без таких аграрных комплексов, порой занимавших сотни квадратных километров и уходившие на десятки метров под землю, весь остров мог остаться без чистого воздуха и пищи, а зародившаяся здесь цивилизация оказалась бы на пороге гибели. Каждый раз после того, как ветер утихал, на трассы снова выходили машины, расчищая покрытия от выползавших на дороги пылевых барханов, перекрывавших полосы движения или же засыпая технические постройки на обочинах.

Или же пылевые бури, закручиваясь в вихри и торнадо, поднимавшие в воздух целые обломки скал и вырывая с корнями столбы и указатели, пытались осилить укрепленные высокие стены древних замков и крепостей, где несли службу гарнизоны многочисленных Домов, сильных и богатых дворянских родов, разделивших эту суровую землю на свои владения.

Благодаря Домам Рейнсвальд и процветал, достигнув нынешнего величия и продолжая развиваться и расширяться, раскинувшись не только на сам остров, но и на многие другие острова и колонии, далеко раздвинув границы королевства. Дворяне, потомки таких же простых жителей острова, когда-то давно, на заре его истории, решившихся взять на себя ответственность за судьбы и жизни всех остальных, сплотили и объединили почти разбитых колонистов, пытавшихся здесь выжить, преобразовав общество в жесткий феодальный строй. Сформированные и возглавленные ими отряды разбили и уничтожили местных аборигенов, истребили практически всех опасных тварей и обеспечили господство человека на этой земле. Разделив остров на феоды,

навеки поклялись соблюдать установленные границы, и с тех пор царил относительно спокойный мир, все еще продолжавшийся до сих пор. Дворянские Дома защищали свои земли и все королевство не только от опасностей окружающего мира, но и от внешних врагов, орд мутантов и враждебных государств, на протяжении всей своей истории ведя продолжительные и жестокие войны, кровью оплачивая свое право править.

И Дома поддерживали развитие оранжерей и кислородных фабрик, заводов по отчистке воды и производству пищи, формированию целых городов, закрытых куполами или врытых в землю. Огромные промышленные комплексы под их контролем перерабатывали руды из богатых залежей с огромной и бескрайней земли, раскинувшейся внизу, чаще всего именуемой Поверхностью. Со стапелей верфей сходили большие торговые и военные корабли, подготовленные для перелетов по открытому пространству, пустоте между такими же островами, порой расположенными на расстоянии в несколько парсеков друг от друга.

Центром всего этого мира, столицей Рейнсвальда, был город Кенингхорм, внешне похожий на пирамиду, сложенную из нескольких десятков огромных, достигающих в диаметре нескольких километров, шаров защитных куполов. На самом верхнем уровне находился великолепный королевский Дворец, красивейшая постройка во всем Рейнсвальде, настолько прекрасная и узнаваемая, что ему не требовалось даже отдельного названия. Единственное здание в столице, не закрытое защитным куполом, вместо него всю постройку защищали мощные силовые поля.

Этот остров был прекрасен в своей жестокости и суровых условиях жизни, где правили балом сила и стойкость, а люди с рождения понимали свое место в этом мире, готовые служить и работать в обмен за безопасность и благополучие, свое и своих родных. И все же, он был домом для миллиардов граждан, и за закрытыми куполами кроме заводов по производству оружия и первопроходческой техники развивались искусство и творчество, дружба и любовь. Люди не могли жить без этого.

* * *

Над островом, как всегда, раскинулась вечная ночь. Лишенный небесного светила, этот мир не знал другого времени суток. Темнота была первоосновой, любой огонь когда-нибудь погаснет, в то время как ее бесконечности ничего не

требуется. Единственная вечность, созданная природой.

Эдвард отпил из своего бокала и глубоко вздохнул. Он не любил темноту – именно так представлялась ему настоящая смерть, в своей неудержимой и бесконечной жадности поглотить все живое. Бесконечная тьма, в которой душа блуждает в поисках выхода и не находит его, бессильно мечась в тюрьме без оков и засовов. Сколько бы ни говорили проповедники о высших силах и лучших местах, так и не смог себя заставить поверить ни в одно из их изречений, убежденный лишь в том, что если какой-то из богов и существовал, у него просто не хватило бы воображения, чтобы создать подобное. Ни один бог не станет разрушать ради самого процесса разрушения, в этом нет ни логики, ни смысла.

Даже здесь, на балконе родного замка Тристанского барона, темнота вольготно расположилась на расстоянии всего лишь нескольких метров от перил. Настенные плазменные факелы, с пляшущими огоньками ярко-голубого пламени, поставленные здесь еще по прихоти его деда, не могли развеять ее полностью, лишь отгоняли чуть от замковых стен.

Поставив бокал рядом, Эдвард облокотился на перила, чувствуя кожей холодный камень и слушая, как медленно двигаются его собственные мысли. Фактически, этот балкон был одной из самых уязвимых частей замка, не прикрытый ничем, кроме силового поля, генерируемого в паре сотне метров за перилами, дабы никто и ничто не могло помешать дворянину насладиться моментом уединения.

Эдвард повернулся к темноте спиной и глубоко вздохнул. Всего несколько лет, как стал бароном, но ему все это уже успело надоесть, поскольку дворяне, кажется, совсем забыли, кем же являются на самом деле. Король Иинан Третий теперь уже бесповоротно слег, через несколько дней после того, как ему исполнилось двести восемьдесят лет. Почтенный возраст, особенно при его положении, когда всегда приходиться оглядываться за спину и помнить о врагах, в любом случае появляющихся в тени престола. Иинан был хорошим королем, честным и справедливым, когда надо даже жестоким, но ровно до тех пор, где кончается необходимость, не рискуя и не заходя дальше. Всего лишь месяц болезни, и от него осталась только собственная тень, бледное отражение прежде великого человека.

Последний раз Эдвард видел его пару месяцев назад, на торжественном приеме во Дворце, резиденции королей вот уже двадцать пятое столетие. Слабый,

исхудавший то ли от болезни, то ли от лекарств, едва державшийся на ногах и совсем сгорбившийся под весом королевский регалий, Иинан уже не выглядел достойным правителем. И даже Эдвард в тайне желал ему смерти, что сейчас станет лишь успокоением для этого истощенного и измученного человека.

Дворяне, не дожидаясь даже его окончательной смерти, уже делят власть, выставив сразу трех новых претендентов на престол. Сейчас их интриги больше похожи на мышиную возню, никто не смеет выступить против живого короля в открытую. Даже если у них и выйдет совершить переворот, то возведенный на престол претендент лично сотрет всех бунтарей в порошок, вне зависимости от того, помогали ли они ему выступить на престол или же пытались поддержать его соперника. Предавший однажды вполне способен предать и во второй раз. К тому же, феодалы являются самой надежной опорой престолу, его стабильности и порядку на острове. Так что любой, кто пытается ее расшатать, удаляется, как прогнившая деталь, ради спокойствия остальных. Так было и раньше, но сейчас масштабы возни уже развернулись до такого, что ее не остановит даже подписанное королем собственноручно завещание, и ныне сложившиеся партии проигравших претендентов вряд ли согласятся его признавать без боя.

Промышленные баронаты северного полуострова, соединенные с остальной частью анклава лишь знаменитым Хальским мостом, чудом инженерного искусства, поддерживали ставленника графа Гористара, графа Розмийского. Сына короля, молодого и очень эмоционального юношу, но слишком доверчивого, чтобы править самостоятельно. Клан Гористаров попытается захватить власть в свои руки через его голову, что не несет ничего, кроме масштабного воровства из казны да еще большей усобицы между баронатами. К тому же, Гористары наверняка снова развяжут экспансию на Саальт, сейчас балансирующего на грани гражданской войны. Эдвард, как и его отец, всегда выступал категорически против этого. Конечно, наступление несло огромные сиюминутные прибыли, но в итоге они лишь бы озлобили ближайшего соседа, которого в подчинении Рейнсвальду все равно не удержать, столь мощную оккупационную армию король не смог бы собрать на постоянной основе. А значит, в конце концов, все снова перерастет в позиционную борьбу с взаимными перехватами торговых караванов и отдельных боевых кораблей, как в прошлый раз. Тогда королевство едва само не свалилось в гражданскую войну, и лишь усилиями его деда удалось заключить мирный договор. Зато Гористар уже не в первый раз призывал «вернуться и добить врага», явно надеясь нажиться на военных заказах.

Вторым претендентом на трон был некий Вассарий Гельский, обосновавший свои претензии на престол женитьбой на племяннице нынешнего короля. Теперь уже очень быстро забыл, что перед женитьбой дал клятву, что не будет иметь претензий к короне, что уже делало его крайне неприятной личностью. Однако с ним тоже приходилось считаться, поскольку его поддержали бароны Остезейского договора, а от них зависели торговые связи с другими анклавами Цитадели, созданной более восьми тысяч лет назад. Соглашение связывало четырнадцать крупнейших анклавов в секторе договорами о торговле, взаимном нейтралитете и поддержке. Рейнсвальд и Саальт тоже входили в это соглашение, что все же не мешало им грызться между собой время от времени. Так же остезейцы контролировали связи с анклавами корсаров, от рейдов которых так же неслабо зависела экономика острова.

Важно, что эти торгаши никогда не были особенно верными своему слову, возможно, это уже выработанная черта характера, появившаяся у них с опытом своей деятельности. А может, как по меткой фразе его друга, «дрянь к дряни всегда липнет». Если баронам доказать, что Вассарий вряд ли достигнет престола, они от него очень быстро отвернуться, и тогда у него будет надежда только на своего двоюродного дядюшку, герцога Хлейта, сделавшего целое состояние на разведении скота и фермерском хозяйстве, к тому же имевшего несколько хороших оружейных заводов. Он вполне может собрать неплохую коалицию в свою поддержку, если решится.

Лично Эдварду наиболее приятен был третий претендент, граф Фларский, приходившийся ему почти что родственником, во всяком случае, в возможном будущем. Его поддерживали бароны, не стремившиеся к серьезным изменениям и довольные тем тихим порядком, который наконец-то восстановился на острове. Предложенная же им программа реформ не несла ничего столь радикального, чтобы этого можно было опасаться, но, конечно, как и любые нововведения, постоянно подвергалась критике. Граф был наследником короля по материнской линии – королева Сандра уже имела детей, когда вышла замуж, многие говорили, что из-за этого будут проблемы, но тогда Иинан не желал ничего слушать, охваченный страстью к ее красоте. А вот теперь, кроме прямого наследника короля, остался один только барон Гельский, вряд ли не приложивший к этому руку, но граф хотя бы не собирался начинать войну, как только получит престол.

К тому же, Эдварду не стоило так опрометчиво поступать и отказывать в поддержке двоюродному племяннику деда своей возлюбленной, ныне баронессы

Карийской, а в будущем баронессы Тристанской.

И стоило о ней подумать, как дверь приоткрылась и, вместе со звуками музыки и постоянных разговоров, без которых, кажется, не обходился ни один прием, на балкон вышла сама баронесса, кутаясь в алую шаль цветов Карийского бароната. Она была в самом расцвете своей красоты, только достигнув взрослого возраста девятнадцати лет. Ростом чуть ниже Эдварда, с фигурой, словно вырезанной из розового мрамора по идее самого гениального скульптора, задумавшего сотворить совершенство в виде человеческого облика. Во всяком случае, Эдварду всегда так казалось. Золотые волосы были собраны в удивительную прическу, украшенную перламутровым гребнем, а на бледном лице с большими светло-голубыми глазами играла задорная улыбка, когда-то именно и покорившая Эдварда, растопив прежде каменное сердце. Едва слышно переставляя ноги в бархатных туфлях, девушка подошла к нему и взяла за руку.

– Не стоит оставлять гостей, когда заканчиваются тосты, – с укоризной заметила дочь Карийского Дома, – могут подумать, что ты не такой уж и хороший хозяин, каким кажешься. Я ведь тоже думала так в начале.

– А теперь уже считаешь, что и самой стоит сбежать от этих бесконечных разговоров о политике и торговле? – сказал Эдвард с усмешкой. При виде своей возлюбленной все мысли о борьбе за престол вылетели из головы. У него вообще все из головы вылетало со свистом, стоило ее увидеть. Наверное, только эта девушка и могла заставить забыть обо всем на свете. Даже немного подался вперед, надеясь получить поцелуй, но наследница Карийского бароната со смехом оттолкнула его.

– Прошу вас быть осторожнее, барон Тристанский, вы на мне еще не женаты, – она с укоризной помахала своим пальчиком перед его лицом, а потом легонько, почти бегло, поцеловала в щеку, – и мой папа может сильно расстроится по этому поводу.

– Я считал иначе с того самого дня, как увидел тебя, – сказал Эдвард, снова взяв бокал в руки и сделав еще один глоток. Вино уже успело порядком остыть, но он даже не обратил на это внимания, – ты всегда с тех пор была для меня баронесса Тристана.

– Скажи мне, что делаешь здесь один, когда гости внутри и в тепле, – на балконе было действительно прохладно, но в одиночестве Эдвард этого не замечал, – неужели здесь можно найти что-то, чего нет больше нигде?

– Здесь можно найти время спокойно поразмыслить, – сказал молодой барон, – в то время как в другом месте обязательно найдется человек, который решит, что без его частой, но бессмысленной болтовни тебе не обойтись, – он снова попытался поймать ее, но баронесса Карийская, заливисто смеясь, как совсем маленькая девочка, довольно ловко увернулась.

– У тебя очень красивый дом, – внезапно заметила Изабелла, остановившись, – как ты можешь не замечать эту красоту? – она могла потрясающе быстро менять темы для разговора, так что порой за ее мыслью невозможно угнаться. Иногда у Эдварда даже начинало шуметь в голове, когда его возлюбленная в очередной раз переходила на что-то другое, а потом перескакивала обратно, при этом успевая сохранять какие-то логические связи, понятные, впрочем, только ей одной.

Со своей оценкой Изабелла была точна. Дом Тристанских баронов был построен еще в глубокой древности, и лишь при Эдварде окончательно остановились работы по его расширению. Древний замок на вражеской земле, ведущий свою историю чуть ли не с момента заселения острова, когда первый корабли приземлились там, где сейчас стоят монументальные верфи Камского порта. Буровые машины, дробя и плавя породу, создавали огромные залы и коридоры, порой больше похожие на лабиринты, многочисленные подсобные и жилые помещения. Целые боевые батареи были полностью спрятаны в глубине скал, выдвинув наружу только орудийные стволы. Архитекторы возвели Тристанский замок в готическом стиле, с высокими арочными потолками, тонкими резными колоннами и многочисленными скульптурами и лепниной, занимавшей каждый свободный участок.

Даже сам балкон, где сейчас находились, был отдельным произведением искусства, украшенный кроме многочисленных настенных барельефов двумя двадцатиметровыми фигурами мужчины и женщины, расположенных по обе стороны и вырезанные из какмня с такой точностью, что можно было разглядеть даже отдельные складки на одежде. Они поддерживали герб Тристанского бароната – вставший на задние лапы грифон, державший в одной лапе меч лезвием вниз и во второй цветущую ветвь.

– Я в этом доме с детства, – сказал Эдвард, все-таки подойдя к ней, в этот раз она уже не стала снова играть в догонялки, а просто прислонилась к его груди, – и уже успел устать от него. Когда обвенчаемся, то переедем в новую резиденцию Тристана, более светлую и гораздо меньше похожую на боевую крепость. И немножко меньше, чтобы не держать рядом целый гарнизон. А этот замок будет служить для того, для чего и создан. Будет защитной крепостью.

– А может быть, я хотела здесь остаться, – сказала она с улыбкой, – кто знает, может, мне еще понравятся высокие потолки и скульптуры неизвестных мне людей.

– Не думаю, – покачал головой Эдвард, – Он тебе надоест через две недели, а еще через три ты уже заскучаешь по уюту Карии. А этого я хочу меньше всего, можешь мне поверить…

– Господин, – их прервал один из солдат внутренней стражи Тристанского бароната, сейчас, в честь данного банкета, одетый в парадную форму, – простите за вторжение, но около причала завис корвет и просит посадки. Агрессивных действий не проявляет, но в списках гостей не значится, так что командование решило вас оповестить.

– Вот видишь, – сказала будущая баронесса Тристанская, отпуская Эдварда, – гости не любят, когда на них не обращают внимания, и становятся настойчивыми.

– Тогда иди и развлеки их, – Эдвард поцеловал ее в щеку, – а я скоро вернусь.

Солдат пошел впереди, показывая дорогу. Хоть барон и провел не меньше половины своей жизни в этом замке, но все же не помнил всех коридоров, особенно к различным служебным помещениям. Только сначала идти пришлось через весь банкетный зал, где и собралось большинство гостей. Один из крупнейших в замке, больше трех сотен квадратных метров, с тремя фонтанами и широкими анфиладами вдоль стен, сейчас полный роскошно одетых людей и едва заметной роботизированной прислугой. Приехало множество гостей, зная, что именно на этот день барон Тристанский решил поставить официальное признание будущей помолвки с единственной наследницей Карийского бароната. Если объединяться оружейные и корабельные заводы Тристана с плантациями Карии, этот союз может перерасти в одну из ведущих сил на

острове, с какой придется считаться любому политику. К тому же, с такой поддержкой герцог Фларский, в чью поддержку открыто выступал отец Изабеллы, может рассчитывать на успех в своем предприятии.

Солдат поднялся по анфиладе, разумно решив, что так пройти будет легче, чем протискивать через напыщенную толпу, рискуя отдавить ногу какому-нибудь герцогу или барону, но и там Эдварда уже ждали.

– А! Вот и сам главный виновник торжества, – широко улыбаясь, встретил его барон Карийский, весьма крупный мужчина, в котором, после юбилея девятого десятка с остервенением боролись рост и быстро сокращавший отставание вес, отошел от группки, с которой только что вел разговор, – я очень рад, что увидел тебя именно сейчас.

Зная барона не понаслышке, Эдвард понял, что его давно уже здесь поджидают, специально решив устроить все как чисто случайную встречу. Порой ему даже начинало казаться, что и встреча с Изабеллой, ставшей его любовью, была не случайностью, а тщательно продуманным планом барона, точно воспроизведенным в правильной последовательности.

– Господин, – Эдвард приложил правую руку к сердцу, общепринятый знак приветствия. В принципе, они равны, даже сам тристанский барон был чуточку выше по строгой социальной лестнице острова, из-за большего значения его заводов для всего государства, но теперь перед ним отец невесты, а это уже другие ранги, где муж дочери в любом случае стоит ниже ее отца.

– Ты не будешь против, если сейчас пройдусь с тобой? – спросил барон, положив будущему зятю руку на плечо, – Нам найдется, о чем поговорить.

– Я иду к пристани, – пояснил Эдвард, жестом приглашая присоединиться, – туда как раз должен подойти еще один корабль, хотя все гости уже прибыли. Не знаю, будет ли вам это интересно. В любом случае, не могу вам отказать.

– Вот и хорошо, – кивнул барон, – ты хоть представляешь, кто это может быть?

– Честно говоря, уверен только в том, что не буду очень рад его увидеть. Я не разослал приглашения лишь тем людям, что наверняка испортят весь вечер.

– И поэтому ты пригласил капитана корсаров? – барон захохотал, как над удачной шуткой, – будь уверен, без хорошей пьянки и пары драк такие люди любой вечер посчитают скучным. Или, если останутся достаточно трезвыми, попытаются разнообразить подобную рутину.

– Я не отказывал своим гостям в праве привести с собой кого-нибудь еще, – сказал Эдвард, постаравшись не выдать своего удивления. О том, что у него на вечере сейчас находится капитан корсаров, узнал только сейчас. И этот факт его немало удивил и даже поразил. Не то, чтобы корсары вызывали у него отвращение, но он не мог понять тех помыслов, что заставляют их участвовать в подобном. Рейды всегда представлялись ему чем-то жестоким и бесчеловечным, не говоря уже об их участниках.

– На самом деле, тут все гораздо сложнее, – барон немного утихомирил свой обычно громкий голос и почти перешел на шепот, – его привел с собой герцог Камский. И это напрямую связано с проектом «Сакрала».

– Что? – Эдвард даже притормозил, – Райсор совсем с ума сошел? – молодой барон был настолько удивлен, что забыл даже об этикете, – Вы хотите сказать, что он хочет доверить командование «Сакрала» корсару? Я не буду спорить, они отличные капитаны, видел записи с их участием, но «Сакрал» не рейдовый корабль, он с самого начала был предназначен для гораздо большего.

– Многие тоже так считают, – согласился барон, – но герцог непреклонен. Считает, что ни один офицер Королевского флота не сможет сделать то, на что рассчитан «Сакрал». От этой компании зависит будущее всех Камских верфей. Герцог полностью заложил их, до нитки. И ты это знаешь не хуже меня. Если предприятие провалится, то весь порт окажется под чужим контролем. А это смерть для герцогства. С учетом растущего влияния Гористаров на торговлю… Ты, надеюсь, в курсе, кого из претендентов на престол они хотят поставить?

– Наследника, графа Ростийского, – кивнул Эдвард, – он будет марионеткой у них в руках, как и весь остров в результате. Вас, как понимаю, такой вариант не устраивает?

– Конечно, нет, – барон даже надулся, – даже еще меньше, чем этот выродок Вассарий, со своими захватническими замашками. Только, думаю, ты должен знать, что барон Гельсский является другом Респира. А с ним, думаю, не

захочешь лишний раз столкнуться, – вот это было серьезное предупреждение.

Респир был потомком одной обнищавшей ветви Гористарского рода, но сумел добиться благосклонности промышленников этого же клана, а вместе с ними и самого графа Гористара. Сейчас Респир носил титул герцога Росского, но чисто формально, Росс был под протекторатом Гористарского графства, и отдавать его в полное владение такому несдержанному человеку было в высшей степени глупым поступком. А эта репутация за новоиспеченным герцогом уже успела закрепиться основательно. Многие даже считали его не вполне здоровым психически, достаточно лишь увидеть его вечно вытаращенные глаза, пульсирующую жилку на виске и моментальные вспышки истерии по любому поводу.

Сначала Респир возомнил себя наследником всего Гористарского графства и попытался устроить заговор, но в самый последний момент передумал. Точнее, его заставили пойти на такой шаг, чтобы не быть повешенным на глазах у толпы. Через месяц после этого он кинулся в другую крайность, начав вкладывать все имевшиеся у него средства в торговлю, в результате потеряв все, поскольку совершенно не умел играть на бирже. Виновных, естественно, нашел на Саальте, и даже написал королю просьбу устроить против соседа военную операцию, чтобы вернуть его деньги. Слава Небесам, письмо не дошло.

А последней его истерией было то, что он по уши влюбился в Изабеллу с твердой уверенностью, что отвечает ему взаимностью. Одно это делало их с Эдвардом непримиримыми врагами. Гористарский граф Респира даже тайно поддерживал, рассчитывая, что в любом случае извлечет выгоду. Может, все же добьется своего, и тогда получит на блюдечке Карийский баронат. А может, в худшем варианте, сделает какую-нибудь глупость и расстроит помолвку, тогда союза Тристана и Карии не будет. В подобном случае Гористары просто от него избавятся, вместе со всеми теми проблемами, которые этот сумасшедший буквально генерирует вокруг себя.

– Я надеюсь, Респир помнит мое обещание застрелить его, если хоть только еще раз посмотрит в сторону Изабеллы? – сухо спросил Эдвард, чувствуя, что такого он не предвидел.

– Помнит, – кивнул барон, – но это не мешает ему отправлять ей письма каждый день. Если тебе интересно, можешь даже почитать их, я принесу.

– Не стоит, лучше отправьте их в солдатский туалет. Там их используют для того, для чего на самом деле созданы, – Эдвард только сейчас обратил внимание, что уже шли служебными коридорами, чьими украшениями были только короба вентиляции на правой стороне потолка, – а что говорит по этому поводу сама Изабелла? Какова ее реакция?

– Ревнуешь? – барон ехидно ухмыльнулся, но продолжать шутку не стал, встретившись с ледяным взглядом Эдварда, – по этому поводу можешь даже не волноваться. Изабелла в жизни не променяет такого жениха, как ты, на этого психа. Хотя его настойчивость в какой-то мере делает ему честь, – Рокфор посмотрел на своего будущего зятя, – не каждый может быть настолько целеустремленным.

– Его настойчивость только показывает, что он не способен увидеть правду и живет в каком-то своем мире, выдуманном и заточенном только под него. Там нет места людям, эмоциям, обстоятельствам и прочему. Только одно его невероятно раздутое самомнение. Мне остается только надеяться, чтобы, в конце концов, он не заставил меня сдуть этот мирок. Однако если будет настаивать…

– Не стоит, – барон взял его за локоть, словно пытаясь успокоить, – все можно решить гораздо спокойнее и без развязывания войны с Гористарами. Вот именно об этом я и хотел поговорить с тобой.

– Вы хотите предложить сбросить на них несколько мегатонн и разом покончить со всем этим семейством? – усмехнулся Эдвард только для того, чтобы барон сразу выложил все карты и не водил разговор вокруг да около, как он любил, больше часа.

– Нет, конечно, – барон, кажется, решил, что Эдвард сейчас может серьезно рассматривать такое решение проблемы, – все гораздо цивилизованнее. Я предлагаю тебе официально сделать свой выбор в поддержку одного из претендентов на престол. В том случае, если он взойдет на престол, ты получишь вполне ощутимую поддержку при дворе, и Гористарам не останется ничего другого, кроме как отказаться от своих затей. Уверен, что оружейные заводы марки «Тристан-цикл» станут весомым аргументом в предстоящей борьбе за трон Рейсвальда.

– И, как я понимаю, – спросил Эдвард, – на корвете сейчас находится один из претендентов? А именно, граф Фларский. Или все же ошибаюсь?

– Ты, как всегда, снова попал в самую цель, – сказал барон, похлопав его по плечу, и довольно улыбнувшись, – и думаю, уже догадался, что это я его пригласил. Он не должен был прибыть сразу, чтобы не возникло ненужных разговоров. Да и тебе должна остаться свобода выбора, ибо как иначе показать свою верность короне, кроме как самому пригласить наследника как еще одного гостя на столь важное торжество? – барон специально оговорился, сказав «наследник», а не «претендент». Так говорят, только когда уверены, что этот человек единственный, у кого законные права на престол.

– Да будет так, – согласился молодой барон, а потом повернулся к солдату, стоявшему у двери в рубку управления, – пригласите корабль на посадку, а я встречу его пассажиров уже там. И не беспокойтесь за безопасность, все в порядке.

– Так точно, господин, – солдат откланялся и исчез на ближайшем пересечении коридоров.

Тристанский замок, как и многие другие, имел две пристани: внешнюю и внутреннюю парадную. Последняя обычно использовалась для приема высоких гостей, но была слишком маленькой, чтобы там могло пришвартоваться большое количество кораблей. Чаще всего суда просто высаживали там своих пассажиров, а уже после отправлялись швартоваться на простые терминалы внутренней пристани. Внутренняя пристань занимала естественную полость в скале, где строители выстроили причалы для швартовки. Главным украшением здесь были монументальные статуи титанов, поддерживающих потолок, сами по себе не меньше прибывшего корвета, как и все прочие украшения пристани, даже статуи гарпий, поддерживающие причалы в воздухе, предназначенные для подчеркивания их величия и могущества Тристанского Дома.

Створки шлюза, отделявший парадную пристань от окружающего пространства, медленно ушли в пазы внутри стен, пропуская внутрь сильный ветер, уравновешивающий температуру и давление внутри и снаружи. И в образовавшийся проход уже медленно проходил корвет, используя одни только посадочные двигатели. Относительно небольшой по меркам военного флота и без серьезного бронирования и вооружения, всего лишь с двумя тяжелыми орудиями. Только именно этот корабль, привезший сюда столь важного гостя, не

предназначался для настоящих сражений. Слишком уж много на нем было украшений и слишком мало вооружения. На носу, вместо привычной боевой рубки и башни основного калибра, была смонтирована фигура карающего ангела с мечом, поблескивающая искорками силового поля. Большую часть борта украшали многочисленные резные фигуры и барельефы, щедро раскрашенные золотом и серебром, изображавшие сцены древних сражений и старых мифов. Лишь по бокам, словно в дань уважения боевому предназначению корабля, стояли орудийные казематы, как и полагалось на судах такого типа. Оттуда в разные стороны смотрели скорострельные пушки, но на фоне общих украшений они не производили должного впечатления, наоборот, казались даже лишними. Орудия же на верхней и нижней палубе вообще были убраны, за исключением того минимума систем воздушной защиты, без которых в пути обойтись невозможно. Всем своим видом корабль демонстрировал богатство и величие своих хозяев, но способен был выглядеть достойно только на парадах и в доке мирного города. В реальном бою не выдержал бы даже атаки истребителей.

– «Величие», – заметил барон, плотнее закутываясь в собственный плащ, поскольку шлюз оставался открытым, и температура на пристани продолжала падать, – гордость флота Флара. Кстати, именно на нем и был подписан договор о создании графства Фларского и включении его в королевство Рейнсвальд. Живая легенда, как говорят простолюдины.

– Я бы посчитал лучшим в данной ситуации прибыть на штурмовом крейсере, – заметил Эдвард, – он выглядит достойно в любой ситуации, а таким явным желанием покрасоваться своим богатством граф может навредить себе. Промышленники многое могут простить, но не дополнительных конкурентов на внутреннем рынке. Тем более, кажущихся такими богатыми. Феодалам нужно показать силу, а не богатство. Страх может породить уважение, но от зависти добра ждать не приходится, – закончил свою мысль, наблюдая, как стыковочные захваты, подцепив корабль магнитными клешнями, медленно подтягивают его к причалу, – она приносит лишь обиды и желание отомстить.

– Граф никаким образом не собирается притеснять местных баронов, – заявил его собеседник, но не вполне уверенно. Скорее имел в виду, что не будет трогать тех, кто уже сейчас выступит на его стороне.

– Неужели? До тех пор, пока не начнет перекупать активы наших внутренних рынков? – переспросил Эдвард, но не стал развивать тему дальше. В конце концов, всем нельзя угодить, обязательно найдутся недовольные любым

существующим режимом.

Тем временем корабль уже успел пришвартоваться, и сервисные дроны уже слетались к швартовым креплениям, проверяя все стыковочные соединения.

Парадный трап, тихо гудя сервоприводами, распрямился и состыковался с бортовым люком корабля. Эдвард быстро оглянулся на почетный караул, состоящий из личной гвардии барона, поднятой с момента обнаружения корабля, сейчас одетый в парадную форму и уже выстроившийся вдоль красной дорожки, взяв на плечо натертые до блеска старые и чисто церемониальные винтовки, снабженные штыками. Старший офицер, командовавший караулом, вытащил силовую шпагу и встал наизготовку. Гвардейцы могли так простоять несколько суток, не шевельнувшись, подчиняясь полученным приказам не смотря на все остальные факторы, полностью посвятив себя служению своему феодалу. Для такой верности и контролируемости у них удаляли память и встраивали в мозг чипы, подавлявшие волю и инстинкт самосохранения, но усиливающие боевые навыки и сопротивляемость усталости.

Люк корвета открылся с тихим шипением, и первыми оттуда показались охранники, сопровождавшие графа. Высокие и мускулистые, они были явными мутантами, с настолько перекачанным телом, что на них даже нормальной формы не нашлось, только металлические детали брони, державшиеся с помощью широких кожаных ремней. В руках несли тяжелые штурмовые винтовки, какие обычно в войсках использовались как оружие поддержки, слишком уж громоздкие и неповоротливые, зато этим ребятам пришедшиеся как раз в пору. Тристанский барон не смог сдержаться от мимолетной гримасы отвращения. Мутантов терпеть не мог в любых проявлениях, даже зная, что некоторые, наиболее стабильные формы мутаций, даже в войсках используются. Жаль, что граф, кажется, был другого мнения и даже в качестве личной охраны держал таких чудовищ.

Сам граф, показавшийся следом, на их фоне казался совсем небольшим и невыразительным, даже одетый в роскошный парадный камзол цветов правящего Дома Флара. Лишь только когда вышел вперед для приветствия, больше не оттеняясь своими громоздкими телохранителями, Эдвард смог оценить его по достоинству. Граф был почти двух метров роста, немного широковат в плечах и с крупной грудной клеткой. На худом и вытянутом лице уже успело отпечататься выражение человека, привыкшего править, но не принимать ответственности за свои ошибки. Нос слегка вздернут вверх, но с

горбинкой перелома, придававшей лицу немного мужественности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/timchenko_kirill/pustoy-mir-krov-i-chest

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить